

УДК 81'366(5), ББК 81.2-2

Е.В. Краснощеков**СООТНОШЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ И ВЕРСИОННОСТИ
В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ**

В предлагаемой статье рассматривается наличие глагольной версии и ее связь с категорией посессивности в енисейских языках. Версионные показатели, элементы, которые, вставляются между личными префиксами и основой глагола, указывают на различные пространственные и посессивные отношения между субъектом и объектом, а также служат для выражения некоторых других категорий. В енисейских языках, например в кетском языке, различают нейтральную версию, объектную и субъектную версию и у некоторых групп глаголов посессивные формы легко могут заменяться обычными формами субъектной версии.

Версионность; посессивность; центробежный; центростремительный; субъектная версия; бенефактив; притяжательные префиксы; аффиксы; притяжательная конструкция.

E.V. Krasnoshchekov**RELATION OF POSSESSIVENESS AND VERSION CATEGORIES
IN THE YENISEI LANGUAGES**

In this article the presence of the verbal version and its relation to the category of possessiveness in the Yenisei languages is considered. Versioned performance, the elements that are inserted between the prefix and the basis of the personal verb UCA → point to different spatial and possessive relationship between subject and object, and also serve for expressing some of the other categories. In the Yenisei languages like Ket language, the neutral version, objective and subject version is distinguished and in some groups of verbs, possessive forms can easily be replaced by conventional forms of subjective version.

Versioning; possessive; centrifugal; centripetal; subjective version benefactive possessive prefixes; affixes; possessive construction.

Среди других реликтов активного строя кетологи отмечали в кетском языке наличие глагольной версии (Вернер 1984, Поленова 2012). Версия (от ср.-лат. *versio* – видоизменение, поворот) – грамматическая категория глагола, обозначающая отношение действия к его субъекту или косвенному объекту (преимущественно предназначенность действия). Встречается в кавказских, семитских, в отдельных индоевропейских и в некоторых других языках. Версия проявляется в том, что диатеза глагола изменяется в зависимости от наличия или отсутствия косвенного дополнения. Косвенное дополнение выступает в роли бенефактива/ малефактива или посессора одного из объектов, представленных в том же предложении [7].

Категория версии могла естественным образом развиваться из семантики центростремительных глагольных структур, выражавших направленность действия на субъект, в противоположность структурам, выражавшим центробежную направленность действия от субъекта.

Категория предназначения действия или версии предполагает в силу своей семантики участие в действии или в ситуации, описываемой глаголом, дополнительного лица, которому предназначено данное действие. При этом производитель действия характеризуется в плане содержания языка в семантических терминах как *Agens*, лицо же, испытывающее действие, как *Patiens*, лицо которому предназначено действие, можно квалифицировать как "десигнат" (*D*) в отличие от "адресата" (*Ad*), выражающего функцию актанты в косвенном (дательном) падеже.

В предложении типа (1)

(1) *Я написал ему письмо* актанта *ему* (в дательном падеже) является адресатом действия, тогда как в предложении (2).

(2) *Я убил ему (то есть для него) зверя* форма *ему* выражает десигнат, обозначающий лицо, для которого совершается обозначаемое действие. Десигнат может выступать в предложении наряду с адресатом, как в (3):

(3) *Я послал ему (адресат) книгу для него* (десигнат).

Особо тесную связь обнаруживает категория версии с категорией неотчуждаемой принадлежности, выражаемой притяжательным местоимением.

Конструкции с десигнатом в дательном падеже могут быть часто трансформированы в посессивные конструкции, ср. немецкое предложение (4):

(4) *Er hat mir die Hand verwundet*, которое может быть трансформировано с сохранением смысла в предложении (5):

(5) *Er hat meine Hand verwundet* [3].

Часто первая из этих конструкций с выражением версии представлена как грамматически правильная в одном языке, вторая же – с посессивной конструкцией – в другом: ср. немецкое (6) *Ich wasche mir die Hände*, [ср. русское (7) *Я мою [себе] руки*, французское *Je me lave les mains*], при английском (8) *I wash my hands*.

Универсальная категория версии, выражаемая в плане содержания во всех языках, не везде находит эксплицитное грамматическое выражение в глагольной структуре. В этом отношении представляют типологический интерес данные картвельских языков, в которых версионные отношения выражаются с помощью особых префиксальных морфологических показателей в глагольной структуре [3].

В общекартвельском языке-основе глагол изменяется по лицам. Личными показателями, как правило, выступают префиксы, к тому же имеются личные префиксы не только субъекта (1-е лицо **w-*, 2-е лицо **h-*), но и объекта действия (1-е лицо **m-*, 2-е лицо **g-*, 3-е лицо **h-*). Глагольная словоформа одновременно может включать не более двух личных аффиксов. Видо-временные и модальные формы глагола группируются вокруг двух основных тем: темы настоящего времени и темы аориста. С полиперсонализмом глагола тесно связаны «версионные показатели» – вокалические и сонантические элементы, которые, вставляясь между личными префиксами и основой глагола, указывают на различные пространственные и посессивные отношения между субъектом и объектом, а также служат для выражения некоторых других категорий: ср. груз. *z-i-s*, сван. *sgur* «сидит» – груз. *a-z-i-s* < **h-a-z-i-s*, сван. *x-a-sgur* < **h-a-sgur* «сидит сверху»; груз. *v-a-šen-eb* «строю», *v-i-šen-eb* «строю для себя», *(v)-u-šen-eb* [(*v*)-*u*-< **h-w-u*~] «строю для него»; сван. *xw-a* — *mār-e* «готовлю», *xw-i-mār-e* «готовлю для себя», *x-o-mār-e* (*x-o*- < **h-w-u*~) «готовлю для него» и т.п. [6].

Именно на передачу аналогичной семантической категории версии была ориентирована первоначально индоевропейская структура медиума, возникшая на базе глагольных парадигм с центробежной семантикой.

"Медиальные" окончания придают глагольной форме значение субъектной версии, "немедиальные" (активные) окончания характеризуют несубъектную версию глагола.

С развитием черт активного строя в системе кетского глагола зарождается такой атрибут активного строя, как категория версии, отмеченная Г.К. Вернером (Вернер 1984). Согласно его выводам, показатели рядов *ba*- обозначали действие, замкнутое на активном актанте или происходящее на месте его пребывания, а показатели рядов *bo*- несли информацию о действии, направленном за пределы активного актанта или от места его пребывания [2].

Таблица 1

Кетские субъектно-объектные аффиксы **B**

число	лицо	класс	1-ый ряд	2-ый ряд	3-ый ряд	4-ый ряд
ед. ч.	1		<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>ba-</i>	<i>bo-</i>
	2		<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>
	3	м	<i>a-</i>	<i>o-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>
мн. ч.	3	ж	<i>i-</i>	<i>u-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>
	3	неодуш.	<i>i/o-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>	<i>o-</i>
	1		<i>daŋ-</i>	<i>daŋ-</i>	<i>daŋ-</i>	<i>daŋ-</i>
	2		<i>kaŋ-</i>	<i>kaŋ-</i>	<i>kaŋ-</i>	<i>kaŋ-</i>
	3	одуш.	<i>aŋ-</i>	<i>oŋ-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>
	3	неодуш.	<i>a/o-</i>	<i>u-</i>	<i>o-</i>	<i>o-</i>

Иными словами в кетском языке среди других реликтов активного строя отмечена центростремительная версия - показатели ряда *ba-/ -a-* (по 1-му и 3-му лицу ед. числа) и центробежная - показатели ряда *bo-/ -o-* (см. табл. 1). Ср.:

boyatn 'я пойду, иду'   *bayabda* 'я слышу'
kiyatn 'ты пойдёшь, идёшь'   *kiyabda* 'ты слышишь'
oyayn 'он пойдёт, идёт'   *ayabda* 'он слышит'
uyatn 'она пойдёт, идёт'   *iyabda* 'она слышит' [7]

В енисейских языках, например в кетском языке, различают нейтральную версию, когда косвенное дополнение отсутствует; объектную (центробежную) версию при наличии косвенного дополнения и субъектную (нецентробежную, центростремительную) версию, когда косвенное дополнение кореферентно подлежащему [7].

Категория нейтральной версии (морфема *-s'*), возникла из нейтрального показателя предикативности *s'i*, исконное значение которого «быть, стать». Первичной функцией *s'i* было указание на состояние агенса и на предикативность той словоформы, к которой присоединяется этот аффикс. С оформлением глагола как части речи морфема *s'* приобретает характер нейтральной версии, обозначение состояния или действия, процесса как такового без подчёркивания роли агенса или пациенса ср.: *d'an' s' on 'ijuks'a* 'трава зеленеет' [7].

Г.К. Вернер в своих работах употребляет также термин „Ориентировочная версия“. Эта категория выражается рядами аффиксов *ba-a-i* и *bɔ-ɔ-u*. Ряд *ba-a-i* обозначает интровертивную версию: она показывает, что действие полностью ориентировано на активного актанта и сконцентрировано на нем или на месте, где это действие происходит. Напротив, ряд аффиксов *bɔ-ɔ-u* обозначает экстравертивную версию, которая показывает, что действие исходит из активного актанта или же направлено от места, где разыгрывается ситуация. Здесь можно привести следующие примеры:

кет. интровертивная версия   экстравертивная версия [8]

<i>ba-yissal</i>	я переночую	<i>bɔ-yävitn</i>	я выбегаю
<i>ku-yissal</i>	ты переночуешь	<i>ku-yävitn</i>	ты выбегаешь
<i>a-yissal</i>	он переночует	<i>ɔ-yävitn</i>	он выбегает

Дихотомию 'интровертивный'–'экстравертивный' можно наблюдать у глаголов, обозначающих переход из одного состояния в другое; в высшей степени вероятно, что вначале глаголы этой семантической группы с рядом аффиксов *bɔ-ɔ-u* ассоциировались с определенным движением, как например, это имело место в следующих кетских глаголах *s'atij bɔ-yotn* 'мне стыдно' (дословно 'я стыжусь /я делаю стыд'), *at at-ba-tn < at at bɔ-yotn* 'я болен' / 'я хвораю' (< 'я делаю болезнь') (Здесь, по-видимому, можно употребить термин «глаголы восприятия») [8].

В результативных формах эта категория версии иногда пересекается с категорией вида, сравните следующие кетские формы с именем *bɔgdom* 'ружье':

В этом случае возникает конструкция, заменяющая современные глаголы обладания (версия трансформируется в посессивную конструкцию) [8].

<i>bɔgdom-ba-javet</i> у меня есть ружье (я вооружен ружьем)	<i>bɔgdom-bɔ-gdaRan</i> у меня будет ружье (меня вооружат ружьем)
<i>bɔgdom-ku-javet</i> у тебя есть...	<i>bɔgdom-ku-gdaRan</i> у тебя ...
<i>bɔgdom-a-javet</i> у него есть...	<i>bɔgdom-ɔ-gdaRan</i> у него ...
<i>bɔgdom-i-javet</i> у нее есть...	<i>bɔgdom-u-gdaRan</i> у нее ...
<i>bɔgdom-aŋ-avet</i> у них есть...	<i>bɔgdom-ɔŋ-daRan</i> у них ...
<i>bɔgdom-dŋ-bet</i> у нас есть...	<i>bɔgdom-dŋ-daRan</i> у нас ...
<i>bɔgdom-kŋ-bet</i> у вас есть...	<i>bɔgdom-kŋ-daRan</i> у вас ...

Глагольные показатели группы *B* обнаруживают материальное единство с притяжательными приставками имени и формами родительного падежа личных местоимений (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имен и глагольных показателей группы *B* в единственном числе

Лицо	Родит, падеж, личных местоим	Притяж. префиксы	Показатели глагола группы <i>B</i>			
			1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд	4-й ряд
1-е	<i>aba</i>	<i>b-</i>	<i>ba-</i>	<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>bo-</i>
2-е	<i>uku</i>	<i>k-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>
3-е м	<i>bu-d-a</i>	<i>da-</i>	<i>a-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>	<i>o-</i>
ж	<i>bu-d-i</i>	<i>d(t)-</i>	<i>-i—</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>	<i>u-</i>
вещ.	-	<i>d(t)-</i>	<i>i(o)</i>	<i>o-</i>	<i>o-</i>	<i>u-</i>

Пример, кет.

<i>b-op</i> 'мой отец'	<i>b-i:t</i> 'я пахну'
<i>k-op</i> 'твой отец'	<i>k-u:t</i> 'ты пахнешь'
<i>bu-da</i> 'его' (род. п. личного местоимения 3-го лица ед. числа)	
<i>bu-di</i> 'ее'	
<i>da-op</i> 'его отец'	<i>da-i:t</i> 'он пахнет'
<i>op-da</i> 'отца' (род. п. имени существительного)	<i>am-di</i> 'матери'
<i>di-op</i> 'ее отец'	<i>d-i:t</i> 'она пахнет' [7].

По мнению Г.Т. Поленовой посессивные аффиксы с развитием грамматического строя языка стали при именах обозначать принадлежность, а при глаголах – лицо субъекта, совершающего действие, и объекта, на который данное действие направлено. Те и другие форманты местоименного происхождения.

На основании этого факта Е.А. Крейнович предположил, что спряжение глаголов, начинающихся с аффиксов группы *B* (ряд *b-a-i*), имело генетически посессивный характер, т.е. действие могло принадлежать субъекту так же, как вещь [5]. Пример: *ba-u-a-b-da* 'я слышу', дословно, 'мое слышание'. Такие примеры может служить подтверждением связи категории версии с посессивностью.

Как уже упоминалось, показатели 1-го и 2-го лица: *b* и *k/g* восходят к генитиву соответствующих личных местоимений: *a-b*, *u-k*.

Можно согласиться с предположением Г.Т. Поленовой, что исходной функцией элемента *b* было выражение принадлежности человеческому телу, лицу [7]. Данное предположение подтверждается тем, что формант *b* обнаруживается в кетском языке в формах различных местоимений, имен существительных и прилагательных, например: *ab* «мой»; *bu* «он, она», *bin* «сам»; *abbi* «мой», *butbi* «ее», *andabi* «чья-то» и т.д.

В ходе дальнейшей эволюции классный показатель активности действия субъекта *b* [1] приобрел значение центростремительной версии у активного глагола. Ему противостоял показатель *k*; как выразитель центробежной версии *k* указывало на распространение действия за пределы активного актанта. Этим объясняется замена *b* на *k*-*y*-*x* в императиве и в формах, выражающих каузативность [4].

Например: глагол *-bet* 'делать' императив *-il'get* «сделай это!». Форма императива демонстрирует отсутствие говорящего в названном действии и направленность последнего за пределы говорящего, отчуждение этого действия, в то время как в индикативе подчеркнуто присутствие, участие, заинтересованность субъекта.

Снабженный субъектными показателями группы **B** этот же глагол имеет значение обладания, ср.: *s'ul'-ba-j-bat* «нарту-я-имею» (при себе) – *s'ul'-ku-j-bat* «нарту-ты-имеешь» [5].

Из изложенного вытекает, что в енисейских языках версияльная категория представляет собой 3-х членную структуру, ее члены образуют две бинарные оппозиции, где встречаются формы глагола, маркированные аффиксами *ba-a-i* и *bɔɔ-u*, сравн. кет. *di-j-aq* 'я иду туда (раз)' - *d-ba-t-s-aq* 'я иду туда (и возвращаюсь назад)', *d-i-l'-aq* 'я ходил туда (раз)' - *d-ba-t-l'-aq* 'я ходил туда (и вернулся назад)'; *d-ba-t-ar-aq* 'он выводит меня наружу' - *d-bɔɔ-ks-aq* 'он уводит меня (прочь)'. В таких формах глагола, как кет. *d-iks'ives'* 'он приходит' - *d-bɔɔ-ks'ives'* 'он приводит меня с собой сюда', *d-εq-saq* 'он слушает' - *d-εq-ba-t-saq* 'он подслушивает меня', *t-tajge* 'он идет' - *t-bɔɔ-k-tajge* 'он ведет меня' и др. есть не только оппозиция 'переходный' - 'непереходный', но и оппозиция 'интровертивный' - 'экстравертивный'. Нейтральная версия появляется в качестве корреляционного члена, который иногда отмечен как 'неэкстравертивный', иногда как 'неинтровертивный' [8].

Группа непереходных глаголов енисейских языков с двумя рядами аффиксов группы **D** рассматривалась то как рефлексивные (возвратные) глаголы, то как глаголы с двумя рядами субъектных аффиксов, но обе точки зрения не соответствовали действительности. В семантическом отношении все глаголы, относящиеся к этому типу спряжения, обозначают действие, связанное самым тесным образом с автором этого действия, которое для него предназначено или на него направлено; часто эти глаголы имеют бенефактивное значение и обозначают, что действие выполняется в интересах действующего лица или в его пользу. Тем самым выражается принадлежность/направленность действия.

Такие глаголы с двумя рядами личных аффиксов отмечены также в коттском, только здесь отсутствуют субъектные аффиксы для 3-го лица. В качестве примера можно привести коттский глагол *hi-pe:n* 'давать':

<i>hi-pe:n-aŋ</i>	я даю	<i>hi-li-pe:n-aŋ</i>	я дал
<i>hi-pe:n-u</i>	ты даешь	<i>hi-li-pe:n-u</i>	ты дал
<i>hi-a-pe:n-</i>	он дает	<i>hi-l-a-pe:n-</i>	он дал
<i>hi-om-pe:n-toŋ</i>	она дает	<i>hi-l-om-pe:n-toŋ</i>	она дала
<i>hi-om-pe:n-oŋ</i>	вы даете	<i>hi-l-om-pe:n-oŋ</i>	вы дали
<i>hi-am-pe:n-</i>	они дают	<i>hi-l-am-pe:n-</i>	они дали

Инновативная актанта модель с рядом префиксов **D** в функции субъектных показателей распространяется дальше и касается уже глагольных форм с аффиксами **B**. При этом возникает особенно продуктивная модель с объектными аффиксами **B**, которые тоже развились из аффиксов объектной версии в глагольных формах с бенефактивным значением 'для другого' в показателе объекта.

С появлением показателей группы **D** в препозиции в роли субъектных формантов внутри глагола возникает субъектная версия, выражаемая морфемой «*d*», ср.: *didoq* 'лечу, летаю', прошедшее время *dil'doq* 'я летел', императив *indoq!* 'лети!',

глагол «пить» с субъектной версией выглядит так: сур., бак. *da:-bdup* 'пью, выпью'. Таким образом эта версия (субъектная) развилась в позднеактивный период. Доказательством может служить то, что в форме императива элемент *d* сохраняется в отличие от центростремительной версии *b*. Внедрившись в структуру глагола, субъектная версия *d* стала сопровождать и личные показатели группы **B**, ср.: югск. *boade* 'иду', *baxyb-der* 'я ношу (одежду)' – примеры Г.К. Вернера.

Любой звук или шум воспринимается кетами как принадлежность предмета, производящего этот шум или звук. А.П. Дульзон считал возможным рассматривать такие глаголы, выражающие звуки или шумы, как имя действия, содержащее в себе «указание на время, вид, залог и число, а также на объект, являющийся фактически субъектом действия» [4], ср.: *ab oñajbata* 'я ворчу' (*ab* 'мой'), *uk oñajbata* 'ты ворчишь' (*uk* 'твой'), *buda oñajbata* 'он ворчит' (*buda* 'его'), *bud oñajbata* 'она ворчит' (*bud* 'её') и т.д. А.П. Дульзон привел 40 глаголов звучания, оформленных таким образом. Это глаголы со значением: *ворчать, греметь, трещать, бренчать, каркать, кричать, шуметь, скрипеть, хрпать, хрустеть, свистеть, скулить, журчать, ныть* и т.п.

Г.К. Вернер различает три группы глаголов посессивного спряжения в кетском языке: 1) глаголы на *-beta/-bata*, *-bilet/-bil'ata*, обозначающие звуки и шумы, которые он, вслед за Е.А. Крейновичем [5], возводит к инфинитивам с посессивными префиксами и глаголу *bimbata* 'слышится', *bil'ata* '(по)слышалось'. При этом он отмечает, что посессивные формы «странным образом» легко могут заменяться обычными формами субъектной версии: 1) глагольными формами на *-boks'al-bol'a* пример: *t-s'iverej-bo-ks'-a* 'я шепчу', *k-s'iverej-ku-ks'-a* 'ты шепчешь'; *t-s'iverej-bo-l'-a* 'я шептал', *k-s'iver'ej-ku-l'-a* 'ты шептал'; 2) глагольными формами на *-ges/ges-gis'*, обозначающими не только звуки и шумы, но и различные процессы, не различая при этом временной план. Если подлежащим является имя существительное, то оно стоит в родительном падеже, пример: *p-l'akejges'* 'я трещу/трещал; *k-l'akejges'* 'ты трещишь/трещал;

3) глагольными формами на *-aRan*, *-oRon*, выражающие психические ощущения *b-i'ker-aRan* мне становится противно; *b-i-ker-oRon* мне стало противно [9].

Из сказанного приходим к выводу, что категория версии достаточно тесно связана с притяжательностью:

1. В результативных формах категория версии у ряда глаголов, пересекаясь с категорией вида, трансформируется в посессивную конструкцию, заменяя современные глаголы обладания.
2. Глагольные показатели группы **B**, которые тоже развились из аффиксов объектной версии в глагольных формах с бенефактивным значением, обнаруживают материальное единство с притяжательными приставками имени и формами родительного падежа личных местоимений.
3. Посессивные аффиксы с развитием грамматического строя языка стали при именах обозначать принадлежность, а при глаголах – лицо субъекта, совершающего действие, и объекта, на который данное действие направлено.
4. Спряжение глаголов, начинающихся с аффиксов группы **B** (ряд *b-a-i*), имело генетически посессивный характер, т.е. действие могло принадлежать субъекту так же, как вещь. При этом:
5. Посессивные формы ряда глаголов могут заменяться обычными формами субъектной версии.

Таким образом, мы приходим к выводу, что аффиксы ряда *ba-a-i* или *ba-bi-bi* непосредственно восходят к посессивности/ принадлежности действия, а аффиксы группы **D**, сопровождая личные аффиксы группы **B**, косвенно подтверждали связь категории версии с притяжательностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 38.
2. Вернер Г.К. Типология элементарного предложения в енисейских языках // Вопросы языкознания. – 1984. – № 3. – С. 60-61.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вас. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – С. 334-335.
4. Дульзон А.П. Кетский язык. – Томск, 1968. С. 145, 345.
5. Крейнлович Е.А. Глагол кетского языка. – Л., 1968. – С. 114-116, 81-82, 141.
6. Мачавариани Г.И. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 6, 7.
7. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка. – Таганрог: Изд-во ФГБОУ ВПО, 2012. – С. 50, 51, 52, 53, 60.
8. Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. = Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 45. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 1994. – P. 110-113.
9. Werner H. Die ketische Sprache. = Tunguso Sibirica, Bd. 3. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden 1997. – P. 278-279.

Статью рекомендовал к опубликованию к.фил.н., доцент П.Л. Коробка

Краснощеков Евгений Владиславович – Таганрогский государственный педагогический институт; e-mail: judgin58@mail.ru; 347900, г. Таганрог, ул. Р. Люксембург 44, кв. 13; тел.: 88634613161, 89034702025; кафедра немецкого языка; к.п.н.; доцент

Krasnoshchekov Evgeny Vladislavovich – Taganrog Institute of Pedagogical; e-mail judgin58@mail.ru; 44, Rosa Luxemburg, app. 13. Taganrog, 347900, Russia; phones: +78634613161, +79034702025; the department of german language; cand. of ped. sc.; associate professor.

УДК 811.111'367.622

О.Г. Мельник

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Прослеживается эволюция учения о метафоре в рамках концепта «Пространство». Вычленимые сознанием человека и представленные в семантике соответствующих единиц, пространственные признаки могут переосмысливаться, подвергаться метафоризации, которую следует признать доминирующей в процессе преобразования пространственной семантики языковых форм. Особый акцент делается на теорию концептуальной метафоры и более нового подхода, получившего название «теория смешения». Вслед за сторонниками данных теорий мы утверждаем, что полное понимание концептуальных процессов, лежащих в основе метафоры, требуют одновременно широкого подхода теории концептуальной метафоры и более детализированного подхода теории смешения. В заключение иллюстрируется реализация данных теорий.

Пространство; концептуальная теория метафоры; теория смешения; ментальные пространства; бленды.

O.G. Melnik

METAPHORICAL RECONSIDERATION OF SPACE

The article traces the evolution of the theory of metaphor. Isolated by consciousness of the person and presented to semantics of appropriating units, spatial signs can be reinterpreted, be exposed metaphorization, which spatial semantics of language forms it should be admitted dominating over transformation. The special attention is given to the framework referred to as